

Ο πλινι [στονσκογο (φ)κα να γοπορ Ζαπαδνογο Πριη]δ[[

И. П. Кюльмоя



Русские говоры Западного Причудья можно назвать островными говорами, поскольку с одной стороны они отделяются естественной водной границей (Чудским озером и рекой Наровой) от говоров Псковской и Ленинградской областей, с другой — окружены говорами эстонского языка. Существование постоянного территориального контакта между двумя языками в течение длительного времени, двуязычие как характерная черта региона стали предпосылкой и условием множества заимствований в языке населения Западного Причудья. Исследователи отмечают как наличие русских заимствований в эстонских говорах [Must 2000], так и наличие эстонских заимствований в русских говорах Эстонии [Бурдакова, Бурдакова 2000]. Однако влияние эстонского языка не ограничивается лишь лексическими заимствованиями, оно обнаруживается на разных уровнях диалектной системы, распространяясь в значительной мере на синтаксис и в меньшей — на морфологию.

Наиболее очевидными и легко наблюдаемыми являются лексические заимствования. Возраст носителей говора обычно превышает 75 лет. Эти люди усвоили эстонский язык, как правило, уже в детстве, работая «в эстонцах», т.е. пастухами, батраками на эстонских хуторах. Поэтому чаще всего заимствованная лексика в говорах относится к сфере бытовых реалий. Эстонские слова употребляются в случае потребности в наименовании новой вещи, нового явления. Вместе с реалией заимствуется и ее наименование.

В силу относительно раннего билингвизма и довольно тесного общения с носителями эстонского языка в дальнейшем информанты говорят по-эстонски почти без акцента, поэтому некоторые слова

сохраняют типичный эстонский фонетический облик: при произношении сохраняются ступени долготы, отсутствует характерное для русского языка смягчение согласных перед гласными переднего ряда, противопоставление согласных по глухости / звонкости и др. Такие лексемы не освоены русским языком, т.е. не изменяются по типу других слов, их употребление индивидуально, они не повторяются, это просто эстонские слова, включаемые в русскую речь, например: *как-то в город ён ехал, что не было luba (разрешение)*; *мы учили-то тоже неправильный эстонский язык — taakeel (деревенский язык)*.

К заимствованиям из эстонского языка, бытующим в говорах, можно отнести слова, употребляемые несколькими информантами или по крайней мере знакомые нескольким информантам, передаваемые фонетическими средствами русского языка и освоенные грамматически (изменяющиеся в соответствии с системой словоизменения русского языка), а иногда оформленные еще и словообразовательными средствами, например суффиксами: *варуши* (домашний праздник по случаю рождения или крещения ребенка, *эст. varrud*), *ворстик* (колбаса домашнего приготовления, *эст. vorst*), *копля* (огороженная поляна, загон для скота, *эст. koppel*). Среди этих слов есть и местные русские варианты названий населенных пунктов: *Раюша*, *Раюши* (*Raja*), *Кикита* (*Kükita*), *Казепель* (*Kasepää*) и др.

К семантическим заимствованиям, или калькам, относятся слова или обороты речи, переводимые с эстонского на русский буквально: *картофельная каша* (пюре, *эст. kartulipuder*), *мама старая* (бабушка, *эст. vanaema*), *сыновний сын* (внук, *эст. poja poeg*), *солнечное вставание* (восход солнца, *эст. päiksetõus*), *цветная грядка* (цветочная клумба, грядка, *эст. lillepeenar*). В этот же ряд можно отнести и такое явление, как неразличение слов *другой* — *второй* и *прежний* — *ранний*, обусловленное наличием в эстонском одной лексемы для каждой пары слов: *не мать, а втора* (другая) *соседка говорит, моя соседка ранняя* (т.е. прежняя) *вышла замуж за старовера*. Характерны также кальки с глагольными конструкциями — полужнаменательными глаголами и глаголами движения, которые, как правило, различаются своим употреблением в разных языках [Земская 2001, 96–97]: *комочек теста в уголке квашни стоял до следующего раза* (*seisis järgmise korran*), *взять рюмочку* (выпить рюмочку, *эст. võtta pitsikest*), *брать лекарство* (принимать лекарство, *эст. rohtu võtta*), *работать нас посылали в деревню, на юг Эстонии, но я не пошла* (*ma ei läinud*), *осталась в Таллине*.

В некоторых случаях калькируется одно из значений эстонского слова. При этом оно может оказаться неуместным в данном высказывании. Так, например, произошло со словами *горы* и *куски*. В первом случае из двух значений эстонского *mäed* (1. холмы, возвышенности, 2. горы) следовало бы употребить первое, однако информант выбрал второе: *Даже и волков не слышать, что тут. Тут, наверно, низкие мяста, так яны не водятся, что яны хотят, где повыше, горы да всё*. Еще более показателен пример со словом *куски*. Эстонское слово *tükk* имеет два русских соответствия *штука* и *кусок*. В рассказе информантки речь идет о детях, увезенных во время войны в Германию: *детям, сколько я знаю кусков* (т.е. *их, штук — И. К.*) *там было, все или умерли уже, или вот так без ног*.

Известно, что одной из характерных морфологических черт имени в русских говорах является неустойчивость родовой принадлежности существительного. В. В. Мюркхейн [Мюркхейн 1977] приводит примеры сближения среднего рода с женским на основе говоров северного и южного Причудья и Обозерья: *сена сухая, здоровья худая, тая окно пусть открыта*. Не ставя своей целью подробное рассмотрение колебаний существительных по роду, отметим несомненное влияние эстонского языка, не имеющего категории рода, в поддержании этого феномена. Чаще всего он наблюдается в предложении при наличии согласуемых слов (*В мяня было льняное тряпка, може, материя такое. У нас было большой такой двор.*), хотя имеются и колебания в роде заимствованных существительных, проявляющиеся морфологически: *километр / километра, кофт / кофта, форм / форма; заросло всё мхом и болотой*.

Исследователи [Мюркхейн 1968, Хейтер 1971] отмечают также как результат влияния эстонского языка факты неразличения видовых функций глагола, особенно при выражении повторяющегося действия: *супрядки каждый день к другому назначили; раньше люди выстроились только на пяску, барин не давал зямли*. Однако в нашем материале наблюдаются лишь единичные примеры такого неразличения, возможно, это просто случайность, на основе которой было бы преждевременно делать вывод о разрушении или наличии слабых участков видовой системы глагола в говорах: *Я сразу без сознания ляжала. Ждали, пока отец присылает письмо, что устроился*.

В области синтаксиса наблюдается образование словосочетаний и предложений по моделям, характерным для эстонского языка: *Это было много лет тому обратно. Это где-то тридцать пять лет тому*

обратно (ср. *Palju aastaid tagasi*). Он и не понимал, что это коммунист есть (*Ta ei saanudki aru, mis see kommunist on*). Крупна рыба, тая хочет, чтоб в соли ляжала (*Suur kala tahab soolas olla*). В последнем примере калькируется как синтаксическая конструкция, так и метафорическое употребление глагола *хотеть*.

Частотны случаи калькирования эстонского глагольного управления. Типичным является употребление род. падежа с предлогом *от* вместо *у* при глаголах просьбы или получения, при которых в эстонском языке употребляется аблатив (*alaltütlev*): *попросите от рыбаков (kaluritelt) рыбы, я от матери (emalt) украду кулёчек ржаной муки, купила от учителя (õpetajalt) одного пальму*. Примеры с другими глаголами: *я с крови истякала (jooksin verest tühjaks)*, *и вот он женится, а был обречен смерти (oli surmale määratud)*, *не стали Бога веровать (ei hakatud Jumalat uskuma)*. Глагол *веровать* в таком употреблении становится переходным.

Нередко встречаются высказывания по образцу эстонских пассивных конструкций. Эстонский пассив (неопределенно-личный залог), имеющий специальные морфологические показатели, передает значение, сопоставимое с русским неопределенно-личным предложением, в котором субъект действия опускается: *В дверь стучат (Uksele koputatakse)*. В то же время такое высказывание строится по модели русской пассивной конструкции совершенного вида (вспомогательный глагол *быть* + страдательное причастие СВ), но отличается от нее тем, что независимо от рода существительного-объекта причастие, а иногда и вспомогательный глагол, стоит в форме среднего рода, чем достигается большая обезличенность действия: *Мост был взорвано уже. Там и дом выстроено новый. Там было кёрта называли, такой суп с мукой сделано. Во дворе играю, а двор закрыто. Старый домик было обделано так красиво. Посуда в ей была принясёно и икона была. Два брата жило тут, зато дом разделено пополам. Теперь сделано всё моторы да такие моторные колёсные машинки, что в самих придумано. Сделано ящик. Этот конь-то был забрано в немцев в штаб, и они там работали на нём*. В одном случае встретилась подобная конструкция с непереходным глаголом НСВ, в литературном русском языке так пассив не образующим: *А раньше всё на лошадях ехато*.

По примеру эстонского вопроса встречается неразличение наречных вопросительных местоимений *где* и *куда*: *Где ты ходил (куда)? Там, где я маленькая-то ходила после войны, так это было ужасно!*

Очевидно, влиянием эстонского языка объясняется и значительно более высокая, чем обычно, частотность употребления наречных местоимений *тогда* и *теперь*. Они употребляются в функции коннектора, связующего средства, характерного для эстонского повествования:

Хлеб пекли из лебеды, из травы. Мы ходили собирали. Тогда вот еще этот — щавель конский, вот этот собирали, мололи.

Крестили в озере. Обязательно раздетый должен быть, голый. И тогда батюшка стоит на берегу, а ты там должен три раза окунуться, и тогда белым закроют тебя. А тогда с озера шли в церковь.

А тогда вышла мода вот здесь глаза мазать. Ну, тут намажут... А я теперь говорю, что: «Ой, девчонки...»

А это была женщина с двумя детьми в лесу. И теперь в женщины хворост на плечо взятый. Она там дровишки и... двое детей. И она теперь одну, которая постарше, просит дяржаться за сарафан, а другую за руку берёт.

Некоторые из названных явлений имеются и в других говорах русского языка (например, в псковских, а также северных говорах встречается неразличение *где* и *куда*), однако в русских говорах Западного Причудья все указанные особенности, вне всякого сомнения, поддерживаются влиянием системы эстонского языка. В то же время, несмотря на обилие примеров влияния эстонского языка, староверы Западного Причудья сохранили свой русский язык, в речи старшего поколения хорошо сохранились диалектные черты. Влияние эстонского языка на лексическом уровне затрагивает в основном бытовую лексику и не касается профессиональной.

Пользуясь случаем, автор выражает благодарность своим коллегам К. Кару, О. Н. Паликовой и А. В. Штейнгольд, предоставившим ряд материалов для написания этой статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурдакова О., Бурдакова Н. 2000. — О словаре прибалтийско-финских заимствований в русских говорах эстонского Причудья. *Eesti Keele instituudi Toimetised 7. Inter dialectos nominaque*. Tallinn, lk. 18–38.
- Must, M. 2000. — *Vene laensõnad eesti murretes*. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus. 660 lk.

Мюркхейн В.В. 1977. — Об оформлении родовой принадлежности имен существительных в русских говорах Эстонской ССР. *Уч. зап. Тартуского гос. ун-та*. Вып. 425. Тарту, 92–100.

Хейтер Х. Й. 1971. — Некоторые замечания о категории вида в русском говоре Ийзаку ЭССР. *Уч. зап. Тартуского гос. ун-та*. Вып. 275. Тарту, 69–76.

Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты. Отв. ред. Е. А. Земская. Москва–Вена, 2001.

(c)starover.eu